

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022742-2

**“Перед нами блестящая метафора России...”
(Символика и поэтика рассказов М. Горького “Проводник”
и “Мамаша Кемских”)**

© 2022 г. Н. Н. Примочкина

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Резюме. В статье сделана попытка по-новому прочесть два малоизвестных широкому читателю произведения М. Горького – “Проводник” и “Мамаша Кемских”, напечатанных в 1925 г. под общим заголовком “Записки из дневника” в журнале “Молодая гвардия”. Показана символическая, притчевая природа этих миниатюр, написанных с помощью художественных приемов символизма и экспрессионизма. Выдвинуто предположение, что в символическом подтексте “Проводника”, написанного в год смерти В.И. Ленина, могли отразиться напряженные размышления писателя о характере вождя русской революции. В обоих произведениях Горький попытался решить мучительный для него в это время вопрос: почему революция в России, о которой он мечтал всю жизнь, приняла такие бесчеловечные, зверские формы? И приходил к выводу, что виновата в этом рабская, искалеченная веками жестокого угнетения психика русского человека.

Ключевые слова: М. Горький, “Записки из дневника”, “Проводник”, “Мамаша Кемских”, символический смысл, поэтика, экспрессионизм.

Для цитирования: Примочкина Н.Н. “Перед нами блестящая метафора России...” (Символика и поэтика рассказов М. Горького “Проводник” и “Мамаша Кемских”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 26–31. DOI: 10.31857/S160578800022742-2

**“Before Us is a Brilliant Metaphor of Russia...”
(Symbolism and Poetics of M. Gorky’s Essays “The Guide”
and “Mama Kemsykh”)**

© 2022 Natalia N. Primochkina

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Abstract. The article attempts to read, in a new way, two works of M. Gorky that are little known to a wide audience – “The Guide” and “Mama Kemsykh”, published in 1925 under the general title “Notes from a diary” in the Russian magazine “Molodaya Gvardiya” (“Young Guard”). The symbolic, parable nature of these miniatures, painted with the help of artistic techniques of symbolism and expressionism, is shown. It is suggested that the symbolic subtext of the “Guide”, written in the year of Lenin’s death, could reflect the

writer's intense reflections on the character of the leader of the Russian Revolution. In both works, Gorky tried to solve the question that was tormenting him at that time: why did the revolution in Russia, which he had dreamed of all his life, has taken such inhuman, brutal forms? And he suggested that the slavish psyche of a Russian person crippled by centuries of cruel oppression is to blame for this.

Key words: M. Gorky, "Notes from a diary", "The Guide", "Mama Kemsykh", symbolic meaning, poetics, expressionism.

For citation: Primochkina, N.N. "Pered nami blestyashchaya metafora Rossii..." (*Simvolika i poetika rasskazov M. Gorkogo "Provodnik" i "Mamasha Kemskih"*) ["Before Us is a Brilliant Metaphor of Russia..." (Symbolism and Poetics of M. Gorky's Essays "The Guide" and "Mama Kemsykh")]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literaturny i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 26–31. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022742-2

В 1924 г. Горький намеревался создать очередной цикл небольших произведений под названием "Записки из дневника", который был бы своеобразным продолжением его только что вышедшей книги "Заметки из дневника. Воспоминания". Но, увлеченный работой над большим романом "Дело Артамоновых", а затем над эпопеей "Жизнь Клима Самгина", писатель не завершил этот цикл, от него сохранилось лишь несколько небольших очерков, которые Горький при жизни не публиковал. Два из них — о почтмейстере Павлове и Якове Васильевиче Еремине — представляют собой наброски будущих рассказов "Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым" и "О тараканах".

Вероятно, к этому же циклу первоначально принадлежали и два наиболее значительных по содержанию и законченных по форме среди этих произведений — "Проводник" и "Мамаша Кемских". Писатель счел возможным напечатать их в 1925 г. в журнале "Молодая гвардия" под общим заглавием "Записки из дневника". Эту публикацию Горький сопроводил послесловием, которое совпадает с первой частью вступления к неоконченному циклу.

Весьма существенным представляется нам и факт первой публикации этих произведений в иностранной прессе. Хотя Горький с весны 1924 г. проживал уже в Италии, у него сохранились тесные литературно-издательские и культурные связи с Германией, в которой он прожил первые два года после того, как осенью 1921 г. покинул Россию. Оба рассказа — и "Проводник", и "Мамаша Кемских" — были впервые опубликованы за рубежом в переводе на немецкий язык в журнале "Europäische Revue" (Leipzig).

Символический, философский план "Проводника", этого, на первый взгляд, простенького, всего в несколько страничек, повествования, задан автором-рассказчиком в самом его начале: "Все наиболее сложные вопросы цивилизации и культуры мы

с доктором окончательно решили еще вчера, установив, что пылкий разум человека развяжет все узлы и петли социальной путаницы, разрешит все загадки бытия и, освободив людей из хаоса несчастий, из тьмы недоумений, сделает их богоподобными" [1, т. 18, с. 7]. Этот панегирик человеческому разуму можно было бы принять за чистую монету, тем более, что в нем повторяются многие самые любимые идеи Горького-художника и публициста, если бы не его явно иронический тон и, главное, если бы не тот факт, что эти высказывания проверяются и успешно опровергаются всем дальнейшим развитием сюжета.

В основу рассказа легли автобиографические события, связанные с "хождением" молодого Горького "по Руси". Автор вспоминает в нем свой давний пеший поход с доктором Полтановым (в рассказе — Полкановым) в Муром. Сначала путешественники шли по дороге вдоль берега Оки, но затем решили сократить путь и идти через заповедный Муромский лес.

Противопоставление художественных образов "леса" и "дороги" в их символическом звучании, которое было характерно для Горького на протяжении всего творчества, сохранилось и в рассказе "Проводник". В художественном мире писателя выход из враждебного леса на широкую дорогу, на степной простор означал обретение человеком, после долгих поисков и блужданий, верного жизненного пути, ведущего к свету и счастью. Так, в романтическом рассказе "Старуха Изергиль" появляется любимый герой Горького Данко, который ведет за собой людей через мрачный губительный лес к счастливой жизни.

Устами своей героини, старухи Изергиль, писатель рисует сказочно страшную, грозную картину этого движения людей через ставший для них враждебной силой лес: "Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной.

Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! <...> Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом” [1, т. 1, с. 94].

Чтобы спасти людей, Данко вырвал из своей груди сердце и осветил им дорогу к свободе. “И вот вдруг лес расступился пред ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река...” [1, т. 1, с. 96].

Интересно сопоставить картины леса в романтической легенде о Данко и в реалистической, но с символическим подтекстом миниатюре “Проводник”. В последней лес нарисован скупыми, но яркими и выразительными красками. Он похож на древний заброшенный храм, поражающий своей величественной красотой: “Сначала шли по дороге, между стволами мощных сосен, их корни, пересекая глубокий песок, размятый колесами телег, затейливыми изгибами лежали, как серые, мертвые змеи. Пройдя с полверсты, путеводитель наш остановился, поглядел в небо, постучал палкой по стволу дерева и молча круто свернул на тропу, почти незаметную под хвоей и среди каких-то маленьких елочек; захрустели под ногами еловые шишки, нарушая важную тишину; она очень напоминала внушительное безмолвие древнего храма, в котором давно уже не служат, но еще не иссяк теплый запах ладана и воска. В зеленоватом сумраке, кое-где пронзенном острыми лучами солнца, в золотых лентах стояли бронзовые колонны сосен, покрытые зеленой окисью лишайника, седыми клочьями моха; среди мохнатых лап сверкали синеватые узоры небесного бархата” [1, т. 18, с. 8–9].

Нельзя не заметить, что в этих разных по времени и мастерству описаниях есть нечто сходное.

Это и уподобление корней деревьев змеям, и изображение леса как живой субстанции, враждебной людям, как символа их тяжелого, запутанного существования. «Потом, — продолжает автор-рассказчик в “Проводнике”, — когда вошли глубже в лес, мне показалось, что весь он как-то внезапно и чудесно оживился. <...> Тропа, — если только она была, — удивляла меня своим капризным характером: иногда, там, где ей следовало бы лежать прямо, она огибала кольцом отдельные группы деревьев, там же, где пред нею деревья стояли плотной стеною и у корней их густо росли кусты черники, она с прямолинейностью, которая казалась мне излишней, лезла сквозь стволы сосен и, невидимая, врезалась в заросли» [1, т. 18, с. 9].

Чтобы не заблудиться, герои рассказа наняли в ближайшей деревне “знающего” проводника, мужика Петра. После долгих и мучительных блужданий по лесным тропам выяснилось, что проводник завел путешественников в непроходимую чащу. В конце концов, он вынужден был признаться, что на самом деле дороги из леса не знает. Беда же заключалась в том, что местные власти и деревенские жители почему-то уверовали в талант Петра и неизменно посылали его в лес проводником людей. «Довели до того, — жаловался “путеводитель” Петр своим спутникам в конце рассказа, — что я сам обманулся, поверил, будто действительно знаю я лес. Иду храбро, а войду и вижу: ничего я не знаю. А сказать людям, что не знаю, — совестно» [1, т. 18, с. 12].

Если в ранних произведениях революционно настроенного писателя, таких как “Старуха Изергиль”, герой Данко, жертвуя собой, выводил людей из леса к солнцу, к счастью, то теперь Горький, глубоко разочарованный реально совершившейся революцией, показывает, как человек, всеми признанный “знатком” леса и вызвавшийся провести по нему людей, на самом деле заводит их в глухие дебри.

Как нами отмечалось ранее в одной из статей [2], “Проводник” был написан в год смерти В.И. Ленина, поэтому нельзя исключить, что напряженные размышления Горького о вожде революции и его деле могли найти своеобразное отражение в символическом подтексте этого произведения. В пользу этих соображений говорит и тот факт, что автор несколько раз называет мужика Петра не просто “проводником”, но и более значимо — “путеводителем”. Возможно, тайный, символический смысл этого образа “разгадал” первый переводчик рассказа-притчи на немецкий язык, пророчески назвав его “Der Führer” (фюрер, вождь) — словом, которое будет вскоре вызывать у людей всего мира куда более страшные ассоциации.

Публикуя “Проводника” вместе с рассказом “Мамаша Кемских”, редакция “Молодой гвардии” сочла необходимым сопроводить их статьей А.В. Луначарского, сумевшего уловить в них тонкий “подвох” со стороны Горького. “При всей реалистичности письма, при всей жизненности образов, — говорилось в рецензии, — оба очерка производят впечатление апологов, так сказать, специально придуманных, хотя и очень сочно рассказанных притч. <...> Как всякая притча, рассказы символичны. Вряд ли об этом можно спорить, ведь первый очерк начинается с того, что два, по-видимому, молодых человека, идя по ровному песку берега Оки, с чрезвычайной ясностью обсуждают все человеческие вопросы и приходят к наиутешительнейшим выводам. Но вот они решаются вступить в лес. Случай дает им, как будто, испытаннейшего проводника. И что же оказывается? Проводник совершенно беспомощен в лесу, и весь тот опыт, который он приобрел, нелеп и случаен”. Далее Луначарский объяснял “смысл сей басни”: “... жизнь есть дремучий лес, и даже те люди, которые думают, что знают его, на самом деле близоруки, бестолковы и могут завести вас в чашу”. В заключение он заявлял, что “аполог этот в наше время, пожалуй, гораздо менее уместен, чем в 18 веке” [3, с. 203].

Как видим, нарком просвещения весьма проницательно указал в своей рецензии на притчевую природу и символический смысл новых произведений писателя. Не отрицал этого и сам автор. Ссылаясь на мнение своего спутника доктора, вместе с ним плутовавшего по лесу, Горький в письме от 5 февраля 1928 г. С.Н. Сергееву-Ценскому, высоко оценившему “Проводника”, подчеркнул именно символизм жизненной ситуации, отраженный в сюжете рассказа: «Рад, что Вам понравился “Проводник”. Д-р Полканов, хватаясь за голову и вытаращив детски умные глаза свои <...> кричал тогда: “Д-да ведь это же си-мволич-ческая кикимора, п-послушай!”» [4, т. 17, с. 186–187].

Так же, как “Проводник”, напечатанный вместе с ним небольшой, всего на несколько страниц, рассказ “Мамаша Кемских” написан от лица повествователя, близкого автобиографическому герою Горького, молодому Алексею Пешкову. Это обозначено уже первой фразой рассказа: “Вошел я в город вечером...” [1, т. 18, с. 13]. Далее следует столь же краткое, “экономное” описание места действия: “Из ограды маленькой, убогой церковки, затисканной в глухой тупик, застроенный каменными домами, бородастый босой мещанин выгнал палкой свинью и семь штук пестрых поросят” [1, т. 18, с. 13]. Всего в одном предложении Горький создает емкий социально-философский образ

одного из тысяч затерянных на просторах России городков, которые ранее многократно появлялись на страницах его произведений под названиями Окурова, Дремова, Воргорода. Символически-обобщенный образ такого уездного города — мучительного и бессмысленного обиталища его жителей — был создан писателем в художественном очерке “Городок”, открывающем книгу “Заметки из дневника. Воспоминания” (1924).

В “Мамаше Кемских” юный герой-рассказчик, сидя в трактире этого безымянного города, задается мучающим его этическим вопросом: что в окружающей жизни надо “проклинать, что благословлять?” [1, т. 18, с. 13]. Описывая свое тяжелое душевное состояние, он признается: “Мне трудно и глупо, как вот этой мухе, которая бьется головою о стекло окна, — как будто ничего нет, а — непроницаемо” [1, т. 18, с. 13]. Напомним, что в заключительных строках того же “Городка” эпитет “непроницаемый” был неоднократно использован Горьким для изображения тоскливого, давящего душу пейзажа в окрестностях уездного города. А лаконичным образом бьющейся о стекло мухи — символом запутанного, безысходно-мучительного существования человека — автор подводил читателя к появлению главной героини рассказа — мамаша Кемских, которую молодой Пешков увидел в окне.

С первой фразы ее “необыкновенный” образ противопоставлен “обыкновенному” городу: “По безлюдной, скучной, чисто выметенной улице идет необыкновенная старуха...”. Далее идет живописное описание фантастического внешнего облика мамаша, которое выполнено в мрачной эстетике экспрессионизма, в авангардном стиле, с широким использованием анималистических портретных деталей: “...В ее походке есть что-то птичье, летящее, ныряющее, неожиданные, неправданные фигурные изгибы, изломы, пугливые прыжки назад и в сторону при встрече с людьми; люди тоже отскакивают от нее, провожают старуху косыми взглядами, хмурятся. Поистине — походка ее напоминает капризный и резвый полет ласточки; сходство с птицей еще более усиливают пестрые лохмотья, развеваясь на ее маленькой, легкой фигурке, она вся в каких-то лоскутках, на серых волосах птичьей головы бумажные ленты. Голова тревожно вертится на тонкой шее, остренький нос что-то вынюхивает, короткая нижняя челюсть непрерывно шевелится, жует воздух, на темной коже подбородка торчат седые волосы. Из-под подола юбки, обильно и, должно быть, нарочно украшенной разноцветными заплатами, мелькают грязные голые ноги, звериные лапы, такие же лапы судорожно хватаются

за столбы фонарей, тумбы, заборы и стены домов. Человеческого — мало в этом странном существе, оно напоминает химеру, уродливую выдумку и кажется слепым, глаза спрятаны в темных ямах и под густыми ключьями сердито соединенных бровей” [1, т. 18, с. 14].

Трактирный буфетчик охотно поведал рассказчику историю этой “необыкновенной старухи”. Молодая образованная девушка-институтка влюбилась в промотавшего состояние потомка древнего княжеского рода Кемских, вышла за него замуж и родила ему пятерых сыновей. «При жизни Кемского она кормила его и детей, зарабатывая уроками музыки и рисования, продавая мебель и вещи, а когда Кемской умер, тринадцать комнат двухэтажного дома были совершенно опустошены, и “мамаша” с детьми забились в две. <...>

Она так оборвалась, обносила, одичала, что “порядочные люди” уже не пускали ее к себе, и она не могла больше учить детей их музыке, рисованию. Стремясь насытить своих детей, она воровала овощи по огородам, ловила на чердаке голубей, воровала кур, летом собирала шавель, съедобные корни, грибы и ягоды; в зимние ночи, в метели ходила в лес воровать дрова, выламывала доски из заборов, чтоб согреть хотя одну печь полуразрушенного дома. Весь город изумляла неиссякаемая энергия “мамаши”; ее даже будто бы не преследовали за воровство.

— Разве иногда побьют маленько, но чтобы в полицию отправить — никогда! Жалели ее.

Горожан удивляло, что она не просит милостыню, ее даже уважали за это, но никто никогда не помогал ей жить.

— А — почему?— спросил я.

— Как вам сказать? Потому, надо думать, что уж очень злая и горда, хотелось поглядеть, куда этой гордости хватит. Теперь, уж четвертый год, стали ей милостыню подавать; теперь она совсем с ума сошла» [1, т. 18, с. 16–17].

Эта страшная, леденящая душу история постепенного превращения молодой девушки под влиянием жизненных невзгод в “жилистую, лохматую, голодную волчиху” [1, т. 18, с. 16, 18] вызывает чувство шемящей жалости к человеку, доведенному до животного состояния, чувство стыда за его оскорбленное человеческое достоинство.

В первые послереволюционные годы Горький постоянно размышлял над мучительным для него вопросом: почему революция в России, о которой он мечтал всю жизнь, приняла такие бесчеловечные, зверские формы? И приходил чаще всего к выводу, что виновата в этом рабская, искалеченная

веками жестокого угнетения психика русского человека, его равнодушие к чужому горю, неуважение к личности другого человека. И в этом рассказе, показывая страшное, нечеловеческое существование образованной девушки-институтки, пытавшейся любыми способами прокормить своих пятерых детей и мужа-калеку, Горький противопоставил ее образ эгоистичным и равнодушным жителям города, среди которых не нашлось ни одного человека, готового прийти ей на помощь.

Мамаша Кемских спасает свою семью не только в силу материнского инстинкта, но из самых высоких, благородных побуждений, желая поддержать честь и достоинство древней фамилии князей Кемских: “Фамилию, говорит, поддержать надо, невозможно, говорит, чтоб такая фамилия вымерла, — Кемские, дескать, Россию спасали много раз”. Однако подобные резоны были совершенно чужды и непонятны местным обывателям. Тот же буфетчик трактира так прокомментировал слова мамыши: “Конечно, это — глупая фантазия: от чего Россию спасать? Россию никто похитить не может, Россия — не лошадь, ее цыгане не своруют” [1, т. 18, с. 16].

В образе этого буфетчика Горький как будто сконцентрировал обывательскую, мещанскую сущность всех жителей города. Очень емкий, обрисованный всего несколькими фразами образ буфетчика контрастно противопоставлен главной героине. В отличие от страшной, потерявшей человеческий облик мамыши, “буфетчик — старый человек, сытый, с гладким лицом актера или повара, у него вставные зубы, он любезно улыбается золотой улыбкой” [1, т. 18, с. 14]. Эти искусственные золотые зубы, которые для буфетчика были знаком его благополучия, в образной системе рассказа становятся символом ложной, аморальной обывательской философии. “Жаловаться — грех...” [1, т. 18, с. 17], — вот жизненный девиз буфетчика. Даже смерть любимой жены не смогла его вывести из душевного равновесия. Скоро буфетчик утешился тем, что у него, якобы, после смерти жены перестали болеть зубы. Однако Горький одной короткой иронической фразой разбивает обывательскую философию буфетчика: “Он, очевидно, забыл, что зубы у него искусственные” [1, т. 18, с. 17].

Ночью молодой Пешков пришел к дому мамыши Кемских. Картина ночного пейзажа с “рыбьим глазом луны”, осветившей полуразрушенную усадьбу, нарисована в мрачной тональности, характерной для эстетики экспрессионизма: “Предо мною двухэтажный дом с тремя облупленными колоннами по фасаду; зияют окна верхнего этажа; рамы из них выломаны, колоды — тоже, вывалилась и часть кирпичей; окна — зубчатые, рваные дыры, и кажется,

что из них на улицу холодным дымом лезет густейшая тьма. Вокруг дома ничего нет – ни забора, ни служб; от широких ворот остались только кирпичные обломанные столбы. Дом как будто выброшен из города на пустырь» [3, т. 18, с. 18].

Здесь рассказчик снова увидел мамашу Кемских. Во время этой ночной встречи в фигуре и повадках главной героини еще сильнее проступило что-то нечеловеческое, фантастичное, звероное: «Из-за угла дома выползает призрачная фигура неопределенных форм, кажется, что она идет на четвереньках. Присмотревшись – узнаю: это “мамаша Кемских”; она, согнувшись, подбирает что-то с земли, кладет в подол; слышно, как она ворчит. Вот она подползла ко мне, почти наткнулась на мои ноги, стремительно выпрямилась и, бросая в меня щепками, прутьями, кричит:

– А-а, проклятый...

Это неестественный, нечеловеческий крик; человек не может, не должен так кричать» [1, т. 18, с. 18–19].

Кончается этот маленький шедевр трагическим вопросом, который переключается с тем, что был задан в самом начале. Но теперь его задает, вероятно, не юный Пешков, а зрелый, много переживший писатель Горький: «А зачем это нужно – “мамаша Кемских” и подобные ей? Кому нужны бессмысленные страдания человека?» [1, т. 18, с. 19]. Этот риторический вопрос, кроме всего прочего, почти дословно повторяет тот, который Горький поставил перед читателями в открывающем книгу “Заметки из дневника. Воспоминания” очерке “Городок”: “Зачем нужен город этот и люди, населяющие его?”, как бы подчеркивая этим почти навязчивую повторяемость своих размышлений о национальных особенностях русского народа и неразрешимость многих связанных с этим, мучительных для него проблем.

Автор книги о Горьком Д.Л. Быков назвал “Мамашу Кемских” “лучшим” рассказом во всем творчестве писателя. «...Мучительная, надрывная жалость, – пишет он, – переполняет лучший рассказ Горького – трехстраничную “Мамашу Кемских” <...> За один этот рассказ, написанный с необыкновенной музыкальной силой и композиционной

точностью, – куда “Старухе Изергиль”! – Горький заслуживал бы памятника» [5, с. 215]. Приведа обширную цитату из “Мамаша Кемских”, Быков в заключение так же, как в свое время Луначарский, только безоговорочно со знаком плюс, сделал вывод о символическом, притчевом характере этого произведения: “Перед нами блестящая метафора России, нищей, сошедшей с ума, но все не желающей проститься с былой славой” [5, с. 215].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1968–1976.
2. Примочкина Н.Н. “Человек с большой буквы”? (Образ В.И. Ленина и его “метаморфозы” в творчестве М. Горького) // *Studia litterarum*. 2019. Т. 4. № 3. С. 268–289.
3. Луначарский А. К “Заметкам из дневника” М. Горького // *Молодая гвардия*. 1925. № 10–11. С. 203–206.
4. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука. 1997–2019.
5. Быков Д.Л. Горький. М.: Молодая гвардия, 2016. 292 с.

REFERENCES

1. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Hudozhestvennyye proizvedeniya: V 25 t.* [Complete Collection of Works of Art: in 25 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1968–1976. (In Russ.)
2. Primochkina, N.N. “*Chelovek s bolshoj bukvy*”? (*Obraz V.I. Lenina i ego “metamorfozy” v tvorchestve M. Gorkogo*) [“A Man with a Capital Letter”? (The Image of V.I. Lenin and his “Metamorphoses” in the Works of M. Gorky)]. *Studia litterarum*. 2019, Vol. 4, No. 3, pp. 268–289. (In Russ.)
3. Lunacharsky, A. K “*Zametkam iz dnevnika*” M. Gorko [To the “Notes from the Diary” of M. Gorky]. *Molodaja gvardija* [Young Guard]. 1925, No. 10–11, pp. 203–206. (In Russ.)
4. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Pisma: V 24 t.* [Complete Collection of Works. Letters: in 24 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1997–2019. (In Russ.)
5. Bykov, D.L. *Gorkij* [Gorky]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2016. 292 p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 21 ноября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 августа 2022 г.
Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
Дата публикации: 31 октября 2022 г.*

*Received by Editor on November 21, 2021
Revised on August 1, 2022
Accepted on August 31, 2022
Date of publication: October 31, 2022*